

*Посвящается Венди Вейль
1940–2012*

В августе 1944 года древняя крепость Сен-Мало, ярчайшая драгоценность Изумрудного берега Бретани, была почти полностью уничтожена огнем... Из 865 зданий остались лишь 182, да и те были в той или иной степени повреждены.

Филип Бек

0

7 августа
1944 г.

Листовки

Под вечер они сыплются с неба, как снег. Летят над крепостными стенами, кувыркаются над крышами, кружат в узких улочках. Ветер метет их по мостовой, белые на фоне серых камней. «Срочное обращение к жителям! — говорится в них. — Немедленно выходите на открытую местность!»

Идет прилив. В небе висит ущербная луна, маленькая и желтая. На крышах приморских гостиниц к востоку от города американские артиллеристы вставляют в дула минометов зажигательные снаряды.

Бомбардировщики

Они летят через Ла-Манш в полночь. Их двенадцать, и они названы в честь песен: «Звездная пыль», «Дождливая погода», «В настроении» и «Крошка с пистолетом»¹. Внизу поблескивает море, испещренное бесчисленными шевронами барашков. Скоро штурманы уже видят на горизонте низкие, озаренные лунной очертания островов.

Франция.

Хрипит внутренняя связь. Осторожно, почти лениво, бомбардировщики сбрасывают высоту. От пунктов ПВО на побережье тянутся вверх ниточки алого света. Внизу видны остовы кораблей; у одного взрывом полностью снесло нос, другой еще догорает, слабо мерцая в темноте. На том острове, что дальше всех от берега, между камнями мечутся перепуганные овцы.

В каждом самолете бомбардир смотрит в люк прицела и считает до двадцати. Четыре, пять, шесть, семь. Крепость на гранитном мысу все ближе. В глазах бомбардиров она похожа на больной зуб — черный и опасный. Последний нарыв, который предстоит вскрыть.

¹ *Stardust* — песня, написанная Хоуги Кармайклом в 1927 г., исполнялась почти всеми великими джазовыми исполнителями. *Stormy Weather* — песня Гарольда Арлена и Теда Келера, написанная в 1933 г. *In the Mood* — песня Джо Гарленда, ставшая хитом Гленна Миллера. *Pistol-Packin' Mama* — песня, написанная Алом Декстером в 1943 г.; в 1944-м ее записали Бинг Кросби и сестры Эндрюс. (Здесь и далее прим. перев.)

Девушка

В узком и высоком доме номер четыре по улице Воборель на последнем, шестом этаже шестнадцатилетняя незрячая Мари-Лора Леблан стоит на коленях перед низким столом. Всю поверхность стола занимает макет — миниатюрное подобие города, в котором она стоит на коленях, сотни домов, магазинов, гостиниц. Вот собор с ажурным шпилем, вот шато Сен-Мало, ряды приморских пансионов, утыканных печными трубами. От Пляж-дю-Моль тянутся тоненькие деревянные пролеты пирса, рыбный рынок накрыт решетчатым сводом, крохотные скверики уставлены скамейками; самые маленькие из них не больше яблочного семечка.

Мари-Лора проводит кончиками пальцев по сантиметровому парапету укреплений, очерчивая неправильную звезду крепостных стен — периметр макета. Находит проемы, из которых на море смотрят четыре церемониальные пушки. «Голландский бастион, — шепчет она, спускаясь пальцами по крошечной лестенке. — Рю-де-Кордьер. Рю-Жак-Картье».

В углу комнаты стоят два оцинкованных ведра, по края наполненные водой. Наливай их при любой возможности, учил ее дедушка. И ванну на третьем этаже тоже. Никогда не знаешь, надолго ли дали воду.

Она возвращается к шпилю собора, оттуда на юг, к Динанским воротам. Весь вечер Мари-Лора ходит пальцами по макету. Она ждет двоюродного дедушку Этьена, хозяина дома. Этьен ушел вчера ночью,

пока она спала, и не вернулся. А теперь снова ночь, часовая стрелка описала еще круг, весь квартал тих, и Мари-Лора не может уснуть.

Она слышит бомбардировщики за три мили. На-растающий звук, как помехи в радиоприемнике. Или гул в морской раковине.

Мари-Лора открывает окно спальни, и рев моторов становится громче. В остальном ночь пугающе тиха: ни машин, ни голосов, ни шагов по мостовой. Ни воя воздушной тревоги. Даже чаек не слышно. Только за квартал отсюда, шестью этажами ниже, бьет о городскую стену прилив.

И еще один звук, совсем близко.

Какое-то шуршанье. Мари-Лора шире открывает левую створку окна и проводит рукой по правой. К переплету прилип бумажный листок.

Мари-Лора подносит его к носу. Пахнет свежей типографской краской и, может быть, керосином. Бумага жесткая — она недолго пробыла в сыром воздухе.

Девушка стоит у окна без туфель, в одних чулках. Позади нее спальня: на комодке разложены раковины, вдоль плинтуса — окатанные морские камешки. Трость в углу; большая брайлевская книга, раскрытая и перевернутая корешком вверх, ждет на кровати. Гул самолетов нарастает.

Юноша

В пяти кварталах к северу белобрысый восемнадцатилетний солдат немецкой армии Вернер Пффенниг просыпается от тихого дробного гула. Даже скорее жужжания — как будто где-то далеко бьются о стекло мухи.

Где он? Приторный, чуть химический запах оружейной смазки, аромат свежей стружки от новеньких снарядных ящичков, нафталиновый душок старого покрывала — он в гостинице. *L'hôtel des Abeilles* — «Пчелиный дом».

Еще ночь. До утра далеко.

В стороне моря свистит и грохает — работает зенитная артиллерия.

Капрал ПВО бежит по коридору к лестнице. «В подвал!» — кричит он. Вернер включает фонарь, убирает одеяло в вещмешок и выскакивает в коридор.

Не так давно «Пчелиный дом» был приветливым и уютным: яркие синие ставни на фасаде, устрицы на льду в ресторане, за барной стойкой официанты-бретонцы в галстуках-бабочках протирают бокалы. Двадцать один номер (все с видом на море), в вестибюле — камин размером с грузовик. Здесь пили аперитивы приехавшие на выходные парижане, а до них — редкие эмиссары республики, министры, заместители министров, аббаты и адмиралы, а еще столетиями раньше — обветренные корсары: убийцы, грабители, морские разбойники.

А еще раньше, до того как здесь открыли гостиницу, пять веков назад, в доме жил богатый капер, который бросил морской разбой и занялся изучением пчел в окрестностях Сен-Мало; он записывал наблюдения в книжечку и ел мед прямо из сот. Над парадной дверью до сих пор сохранился дубовый барельеф со шмелями; замшелый фонтан во дворе сделан в форме улья. Вернеру больше всего нравятся пять потускневших фресок на потолке самого большого номера верхнего этажа. На голубом фоне раскинули прозрачные крылышки пчелы размером с ребенка — ленивые трутни и пчелы-работницы, — а над шестиугольной ванной свернулась трехметровая царица с фасетчатыми глазами и золотистым пушком на брюшке.

За последние четыре недели гостиница преобразилась в крепость. Отряд австрийских зенитчиков заколотил все окна, перевернул все кровати. Вход укрепили, лестницы заставили снарядами ящиками. На четвертом этаже, где из зимнего сада с французскими балконами открывается вид на крепостную стену, поселилась дряхлая зенитная пушка по имени «Восемь-восемь»¹, стреляющая девятикилограммовыми снарядами на пятнадцать километров.

«Ее величество», называют австрийцы свою пушку. Последнюю неделю они ухаживали за нею, как пчелы — за царицей: заправили ее маслом, смазали механизм, покрасили ствол, разложили перед ней мешки с песком, словно приношения.

Царственная «ахт-ахт», смертоносная монархиня, должна защитить их всех.

Вернер на лестнице, между цоколем и первым этажом, когда «Восемь-восемь» делает два выстрела подряд. Он еще не слышал ее с такого близкого расстояния;

¹ 8,8-см-FlaK, известное также как «Восемь-восемь» (нем. «ахт-ахт»/Acht-acht) — германское 88-миллиметровое зенитное орудие, находившееся на вооружении в 1928–1945 гг.

звук такой, будто пол-отеля снесло взрывом. Вернер оступается, зажимает уши. Стены дрожат. Вибрация прокатывает сперва сверху вниз, затем — снизу вверх.

Слышно, как двумя этажами выше австрийцы перезаряжают пушку. Свист обоих снарядов постепенно затихает — они уже километрах в трех над океаном. Один солдат поет. Или не один. Может, они все поют. Восемь бойцов люфтваффе, из которых через час никого не останется в живых, поют любовную песню своей царице.

Вернер бежит через вестибюль, светя под ноги фонарем. Zenитка грохает в третий раз, где-то близко со звоном разбивается окно, сажа сыплется в каминной трубе, стены гудят, как колокол. У Вернера такое чувство, что от этого звука у него вылетят зубы.

Он открывает дверь в подвал и замирает на миг. Перед глазами плывет.

— Это оно? — спрашивает он. — Они правда наступают?

Однако ответить некому.

Сен-Мало

В домах вдоль улиц просыпаются последние неэвакуированные жители, постанывают, вздыхают. Старые девы, проститутки, мужчины старше шестидесяти лет. Копуши, коллаборационисты, скептики, пьяницы. Монахини самых разных орденов. Бедняки. Упрямыцы. Слепые.

Некоторые спешат в бомбоубежища. Другие говорят себе, что это учебная тревога. Кто-то мешкает, чтобы забрать одеяло, молитвенник или колоду карт.

День «Д» был два месяца назад. Шербур освобожден. Кан освобожден, Ренн тоже. Половина Западной Франции освобождена. На востоке советские войска отбили Минск, в Варшаве подняла восстание польская Армия Крайова. Некоторые газеты, осмелев, предполагают, что в ходе войны наступил перелом.

Однако никто не говорит такого здесь, в последней цитадели Германии на бретонском побережье.

Здесь, шепчутся местные, немцы расчистили двухкилометровые катакомбы под средневековыми стенами, проложили новые тоннели, выстроили подземный оборонительный комплекс невиданной мощи. Под полуостровным фортом Сите через реку от Старого города одни помещения целиком заполнены снарядами, другие бинтами. Говорят, там есть даже подземный госпиталь, где предусмотрено все: вентиляция, двухсоттысячелитровая цистерна воды и прямая телефонная связь с Берлином. На подступах установлены мины-ловушки и доты с перископами; боеприпасов хва-

тит, чтобы обстреливать море день за днем в течение года.

Говорят, там тысяча немцев, готовых умереть, но не сдаться. Или пять тысяч. А может, и больше.

Сен-Мало. Вода окружает город с четырех сторон. Связь с Францией — дамба, мост, песчаная коса. Мы малуэны в первую очередь, говорят местные. Во вторую — бретонцы. И уже в последнюю — французы.

В грозовые ночи гранит светится голубым. В самый высокий прилив море затапливает подвалы домов в центре города. В самый низкий отлив из моря выступают обросшие ракушками остовы тысяч погибших кораблей.

За три тысячелетия полуостров видел много осад. Но такой — ни разу.

Бабушка берет на руки расшумевшегося годовалого внука. В километре от нее, в проулке неподалеку от церкви Сен-Серван, пьяный мочится на ограду и замечает листовку. В листовке написано: «Срочное обращение к жителям! Немедленно выходите на открытую местность!»

С внешних островов бьет зенитная артиллерия, большие немецкие орудия в Старом городе дают очередную залп, а триста восемьдесят французов, запертые в островной крепости Форт-Националь, смотрят в небо из залитого лунным светом двора.

После четырех лет оккупации, что несет им рев бомбардировщиков? Освобождение? Гибель?

Треск пулеметных очередей. Барабанные раскаты зениток. Десятки голубей срываются со шпиля собора и кружат над морем.

Дом № 4 по улице Воборель

Мари-Лора Леблан в спальне нюхает листовку, которую не может прочесть. Вокруг сирены. Она закрывает ставни и задвигает шпингалет на окне. Самолеты все ближе. Каждая секунда — упущенная секунда. Надо бежать вниз, на кухню, откуда через люк можно залезть в пыльный погреб, где хранятся изъеденные мышами ковры и старые сундуки, которые никто давно не открывал.

Вместо этого она возвращается к столику и встает на колени перед макетом города.

Вновь находит пальцами крепостную стену, Голландский бастион и ведущую вниз лесенку. Вот из этого окна в настоящем городе женщина каждое воскресенье вытрясает половики. Из этого окна мальчишка как-то крикнул Мари-Лоре: «Смотри, куда прешь! Ты что, слепая?»

В домах дребезжат стекла. Зенитки дают новый залп. Земля еще чуть-чуть успевает повернуться вокруг своей оси.

Под пальцами Мари-Лоры миниатюрная улица д'Эстре пересекает миниатюрную улицу Воборель. Пальцы сворачивают вправо, скользят вдоль дверных проемов. Первый, второй, третий. Четвертый. Сколько раз она так делала?

Дом номер четыре: древнее семейное гнездо, принадлежащее ее двоюродному деду Этьену. Дом, где Мари-Лора живет последние четыре года. Она на ше-

стом этаже, одна во всем здании, и к ней с ревом несутся двенадцать американских бомбардировщиков.

Мари-Лора вдавливая крохотную парадную дверь, освобождая внутреннюю защелку, и дом отделяется от макета. У нее в руке он размером примерно с отцовскую сигаретную пачку.

Бомбардировщики уже так близко, что пол под коленями вибрирует. За дверью тренькают хрустальные подвески люстры над лестницей. Мари-Лора поворачивает трубу домика на девяносто градусов. Потом сдвигает три досочки, составляющие крышу, и поворачивает снова.

На ладонь выпадает камень.

Он холодный. Размером с голубиное яйцо. А по форме — как капля.

Мари-Лора зажимает домик в одной руке, а камень — в другой. Комната кажется зыбкой, ненадежной, будто исполинские пальцы протыкают стены.

— Папа? — шепчет она.

Подвал

Под вестибюлем «Пчелиного дома» в скале был вырублен корсарский подвал. За ящиками, шкафами и досками, на которых висят инструменты, стены — голый гранит. Потолок удерживают три мощных бруса: столетия назад лошадиные упряжки волоком притащили их из древнего бретонского леса.

Под потолком горит единственная голая лампочка, по стенам дрожат тени.

Вернер Пфенниг сидит на складном стуле перед верстаком, проверяет, насколько заряжены батареи, затем надевает наушники. Станция приемопередающая, в стальном корпусе, со шестидесятисантиметровой диапазонной антенной. Она позволяет связываться с такой же станцией в гостинице наверху, с двумя другими зенитными установками в Старом городе и с подземным командным пунктом по другую сторону реки.

Станция гудит, разогреваясь. Корректировщик огня читает координаты, зенитчик их повторяет. Вернер трет глаза. В подвале у него за спиной громоздятся реквизированные ценности: скрученные в рулоны ковры, большие напольные часы, шифоньеры и огромных размеров масляный пейзаж, весь в мелких трещинках. На полке напротив Вернера — восемь или девять гипсовых голов. Их назначение для него загадка.

По узкой деревянной лестнице, пригибаясь под брусьями, спускается рослый здоровяк обер-фельдфе-

бель Франк Фолькхаймер. Он ласково улыбается Вернеру, садится в обитое золотистым шелком кресло с высокой спинкой и кладет винтовку на колени. Ноги у него такие мощные, что винтовка кажется непропорционально маленькой.

— Началось? — спрашивает Вернер.

Фолькхаймер кивает. Затем выключает свой фонарь и в полутьме хлопает на удивление красивыми длинными ресницами.

— Сколько это продлится?

— Недолго. Мы тут в полной безопасности.

Инженер Бернд приходит последним. Он маленький, косоглазый, с жидкими бесцветными волосами. Бернд закрывает за собой дверь, задвигает засовы и садится на лестницу. Лицо мрачное. Трудно сказать, что это — страх или решимость.

Теперь, когда дверь закрыта, вой воздушной тревоги звучит куда тише. Лампочка над головой мигает.

Вода, думает Вернер, я забыл воду.

С дальнего края города доносится зенитная пальба, потом наверху вновь оглушительно стреляет «Восемь-восемь», и Вернер слушает, как снаряды свистят в небе. С потолка сыплется пыль. В наушниках пение австрийцев:

*...auf d'Wulda, auf d'Wulda, da scheint d'Sunn a so gulda...*¹

Фолькхаймер сонно скребет пятно на брюках. Бернд греет дыханием замерзшие руки. Станция, хрипя, сообщает скорость ветра, атмосферное давление, траектории. Вернер вспоминает дом. Вот фрау Елена, наклонившись, завязывает ему шнурки на двойной бантик. Звезды за окном спальни. Младшая сестра Ютта сидит, завернувшись в одеяло, к левому уху прижат радионаушник.

¹ «На Влтаве, на Влтаве, где солнце золотое светит» (нем.). Австрийская народная песня.

Четырьмя этажами выше австрийцы заталкивают в дымящийся ствол «Восемь-восемь» еще снаряд, проверяют угол горизонтального наведения и зажимают уши, однако Вернер внизу слышит лишь радиоголоса своего детства. «Богиня истории взглянула с небес на землю. Лишь в самом жарком пламени может быть достигнуто очищение». Он видит лес высохших подсолнухов. Видит, как с дерева разом взлетает стая дроздов.

Бомбежка

Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать. Под люком прицела несется море, затем крыши. Два самолета поменьше отмечают коридор дымом, первый бомбардировщик сбрасывает бомбы, а за ним и остальные одиннадцать. Бомбы падают наискось. Самолеты стремительно уходят вверх.

Ночное небо испещряют черные черточки. Двоюродный дедушка Мари-Лоры, запертый вместе с сотнями других мужчин в Форт-Насионале, в нескольких сотнях метров от берега, смотрит вверх и думает: «Саранча». Из затянутых паутиной дней в воскресной школе звучат ветхозаветные слова: «У саранчи нет царя, но выступает вся она стройно».

Орды демонов. Горох из мешка. Сотни разорванных четок. Метафор тысячи, и ни одна не может этого передать: сорок бомб на самолет, всего четыреста восемьдесят штук, тридцать две тонны взрывчатых веществ.

На город накатывает лавина. Ураган. Чашки спрыгивают с буфетных полок, картины срываются с гвоздей. Через долю секунды sireны уже не слышны. Ничего не слышно. Грохот такой, что могут лопнуть барабанные перепонки.

Зенитки выпускают последние снаряды. Двенадцать бомбардировщиков, невредимые, уносятся в синюю ночь.

В доме номер четыре по улице Воборель Мари-Лора, забившись под кровать, прижимает к груди камень и макет дома.

В подвале «Пчелиного дома» гаснет единственная лампочка.

1

1934 г.

Национальный музей естествознания

Мари-Лоре Леблан шесть лет. Она высокая, веснушчатая, живет в Париже, и у нее быстро садится зрение. Отец Мари-Лоры работает в музее; сегодня там экскурсия для детей. Экскурсовод — старый горбун сам немногим выше ребенка — стучит по полу тростью, требуя внимания, затем ведет маленьких посетителей через сад в галереи.

Дети смотрят, как рабочие блоками поднимают окаменелую бедренную кость динозавра. Видят в запаснике чучело жирафа с проплешинами на спине. Заглядывают в ящики таксидермистов, где лежат перья, когти и стеклянные глаза. Перебирают листы двухсотлетнего гербария с орхидеями, ромашками и лекарственными травами.

Наконец они поднимаются на шестнадцать ступеней в Минералогическую галерею. Экскурсовод показывает им бразильский агат, аметист и метеорит на подставке. Метеориту, объясняет он, столько же лет, сколько Солнечной системе. Затем они гуськом спускаются по двум винтовым лестницам и проходят несколько коридоров. Перед железной дверью с единственной замочной скважиной горбун останавливается.

- Экскурсия закончена, — говорит он.
- А что там? — спрашивает одна из девочек.
- За этой дверью другая запертая дверь, чуть меньше.